

УДК 94(47).027

**ЭЛЕМЕНТЫ ИМПЕРСКОЙ ПРАКТИКИ
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ВЛАДИМИРСКОГО КНЯЖЕСТВА
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII ВЕКА**

А.А. Кузнецов

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, 603950, Россия*

Аннотация

Статья посвящена проявлениям имперских практик в военно-политической деятельности Владимирского княжества в предордынский период. Акторами этой деятельности являются владимирские князья Георгий (Юрий) и Ярослав Всеволодовичи, а объектами – племена мордвы, чуди и карел. Её локусы сосредоточены в Верхнем Поволжье, Нижнем Новгороде, Новгороде и Прибалтике. Противниками владимирских князей выступали Волжская Булгария, Орден меченосцев, Швеция, литовцы. Выявлено, что политика владимирского князя Георгия Всеволодовича в Поволжье и на северо-западе Руси включала следующие элементы: организация и проведение масштабных походов и рейдов; применение принципа *divide et impera*; формирование стратегии, адекватной вызовам со стороны литовцев, Ордена меченосцев и Швеции; использование политического потенциала православия. Такой курс определил формирование новых устойчивых границ Владимирского княжества и Новгорода, на чьих территориях потом складывалось российское централизованное государство; деятельность владимирских князей в 1220–1230-е годы позволила закрепить за ним выход в Балтийское море и Среднее Поволжье. Эти и другие выводы представляют новую модель военно-политической истории Владимирского княжества первой трети XIII в., актуализируют изучение проблем политического континуитета в Северо-Восточной Руси и преемственности военно-политической стратегии Рюриковичей в XIII – XVI вв.

Ключевые слова: Имперская политика, Владимирское княжество, Волжская Булгария, мордва, чудь, Нижний Новгород, Новгород, Прибалтика, экспансия

Применительно к истории Древней Руси с 1132 до 1238 г. рассуждать об имперских внешнеполитических практиках княжеств не принято. Примерка «имперских одежд», по мнению специалистов, не повлияла на природу древнерусской государственности [1]. Всё, что можно было бы рассматривать как проявления «имперскости» в деятельности Рюриковичей до начала XII в., омрачилось наступлением раздробленности на рубеже 1120–1130-х годов. Но именно с этого момента, как доказывал В.Т. Пашуто, усложнилась, потеряв централизованность, «имперская дипломатия» Руси: на севере и в Прибалтике политической ведали Новгород, Псков, Смоленск, Полоцк, в континентальной части Европы – Галицко-Волынское княжество, в Поволжье – Владимир [2, с. 17]. Данный

тезис позволил бы изучать военно-политические мероприятия князей эпохи раздробленности на предмет реализации ими имперской составляющей, но все внешнеполитические достижения русских княжеств XII – первой трети XIII в. для большинства историков оказались перечёркнуты монгольским нашествием и установлением ордынского ига, включением ряда древнерусских территорий в состав Великого княжества Литовского, потерей позиций в Восточной Прибалтике.

Как видим, три фактора: утверждение Руси как своеобразной (кон)федерации княжеств, последствия монгольского нашествия, натиск с Запада – обесмыслили для многих историков результаты внешней политики Рюриковичей XII – XIII вв. В виде исключения могла превозноситься деятельность Александра Невского, который, по существу, лишь отстаивал позиции Руси в Прибалтике, а также коренные псковские и новгородские земли. Только в последнюю четверть века в историографии происходит преодоление схематизма и идеологической закомплексованности в восприятии периода раздробленности Древнерусского государства. В ходе этого процесса история раздробленной Руси предстаёт в новом свете, в полноте её персонажей, в столкновении частного и государственного... Требуют разрешения проблемы внешнеполитических практик её субъектов, выводящие на путь имперского строительства. Это можно продемонстрировать на примере биографии владимирского князя Георгия (Юрия) Всеволодовича (1188–1238).

На первый взгляд, фигура названного князя не подходит для того, чтобы на её примере показывать проявление имперской внешнеполитической практики Древней Руси в первой трети XIII в. Обычно о нём вспоминают при исследовании княжеских усобиц, среди которых на первом месте стоит битва на Липице 1216 г. Из-за эпического, но недостоверного описания событий князь оказался в стане проигравших (см. ПБЛ). О Георгии Всеволодовиче как выразительной персонификации стихии раздробленности часто упоминают в научно-популярных повествованиях, посвящённых битве на Калке 1223 г.: он якобы отказал в помощи южнорусской княжеской коалиции. Неудобно рассуждать об «имперских» притязаниях князя, незадачливо, по распространённому среди историков мнению, сложившего голову при Батыевом нашествии. Изучение таких сюжетов показало зависимость их трактовки от формировавшихся веками стереотипов (подробнее об этом см. [3, с. 182–199, 326–333, 413–504; 4]).

Схематизм, разрозненность фактов истории Руси накануне монгольского нашествия определили отсутствие исследовательского внимания к внешнеполитической деятельности Георгия Всеволодовича. Между тем она выразилась в двух направлениях: восточном (Среднее Поволжье) и северо-западном (Прибалтика). Если первое устойчиво связывается с самим Георгием Всеволодовичем, то относительно второго историки предпочитают говорить о его брате Ярославe. Основными источниками по изучению данных курсов служат древние русские летописи: Лаврентьевская (Лавр., стб. 65–456) и Новгородская первая (Новг., с. 59–73, 260–284), при использовании которых надо учитывать их специфику. Дело в том, что они не позволяют узнать об институализации внешней политики, предоставляют информацию не обо всех фактах и процессах, а потому интерпретация их выборки отличается определённой степенью предположительности.

Например, Новгородская первая летопись вынуждает исследователей рассуждать об отказе Георгия в пользу брата Ярослава от борьбы за Новгород, ведь она посвящена прежде всего князьям, которые правили в Новгороде, а Ярослав Всеволодович в этом отношении не знает себе равных среди современников. Но если эти сведения согласовать с западноевропейскими источниками, то можно обнаружить за действиями Ярослава в Новгороде и Прибалтике последовательную поддержку из Владимира-на-Клязьме [5]. По ряду событий информацию из Лаврентьевской летописи надо соотносить с сообщениями Симеоновской (Сим., с. 42–54), Ермолинской (Ерм., с. 67–68) летописей и Летописца Переяславля Суздальского (Лет., с. 128–132).

Каждое из направлений внешней политики владимирского князя Георгия Всеволодовича имело свою предысторию. Так, юго-восточная Прибалтика и Финский залив интересовали киевских князей с X в. Владимир, ещё не заняв Киева, взял штурмом Полоцк – ключ к Среднему и Нижнему Подвину. Его сын Ярослав Мудрый в землях эстов заложил Юрьев (Дерпт, Тарту). Начиная с правления детей Ярослава Мудрого в этом регионе сталкивались интересы Полоцка, Смоленска, Новгорода и чуть позже Пскова. Новгород стремился к контролю восточного и северо-восточного побережья Финского залива, Карелии и части Финляндии; тут происходили столкновения с равным соперником – Швецией и союзными ей финскими племенами. Но в целом обстановку здесь до конца XII в. можно охарактеризовать высокопарной фразой древнерусского книжника из Слова о погибели Русской земли: «А литва из болота на свет не выныкываху» (СПРЗ, с. 90) (если к литве присовокупить другие прибалтийские племена, позднее сыгравшие важную роль в этногенезе литовцев, латышей и эстонцев). Князья Северо-Восточной Руси XII в. – Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо – не отличились чем-то особенным в этом регионе, остававшемся объектом новгородской внешней политики.

Положение стало резко меняться на рубеже XII – XIII вв.: на территории современной Латвии появились духовно-рыцарские ордена, Дания стала утверждаться в Эстонии (в 1219 г. основан Ревель, позже переименованный в Таллин), Швеция – на берегах Финского залива и в нынешней Карелии, а в литовских землях начался политогенез, сопровождаемый отражением агрессоров и проведением собственной наступательной политики. Первыми на этот вызов с Запада ответили смоленские Рюриковичи, с 1207 г. закрепившиеся в Новгороде. Однако в короткие сроки выработать адекватное противодействие принципиально новой угрозе смоленским князьям и новгородцам не удалось.

В 1210 г. новгородский князь Мстислав Удатный возглавил новгородский поход в Эстонию (её население в летописях названо чудью), откуда привёл большое количество пленных и скота. Затем он бросил новгородские и смоленские полки на чудский город Медвежьё голову (ныне – Оденпе в Эстонии). Чудь вынужденно выплатила дань Новгороду. На следующий год литовцы напали на Псков «и много створиша зла» (Новг., с. 52, 250). В 1212 г. дружины Мстислава Удатного дошли до Балтики и осадили город Воробиин (в наше время – Варбола в Эстонии), добившись выплаты дани Новгороду (Новг., с. 52–53, 251). В 1217 г. литовцы успешно воевали у реки Шелони. Тогда же новгородский князь Владимир Мстиславич (из смоленских князей) вновь повёл новгородцев и псковичей

к Медвежьей голове (Новг., с. 57, 257–258). В 1218 г. состоялся поход новгородцев на Пертуев (другое название – Венден; современное – Цесис), который контролировался из Риги, главного города Ордена меченосцев. Новгородская рать, ведомая смоленским князем, разбила сторожевые посты немцев, литвы и ливов, две недели осаждала город (Новг., с. 59–60, 261).

Ситуация в Прибалтике стремительно менялась, а новгородские и псковские дружины пытались восстановить взимание дани с чудских племён, которые теперь апеллировали к тем, кого летописцы называли «немцами». Фактически каждый месяц приходилось сталкиваться с литовцами, совершавшими набеги на русские рубежи. Некогда успешные большие и малые рейды русских полков уже не давали результатов. Походы заканчивались, русские дружины уходили, а проникновение чужеземцев продолжалось. В таких условиях в начале 1220-х годов состоялось «возвращение» в Новгород владимирского князя Георгия Всеволодовича.

Иные традиции внешней политики сложились на северо-восточном фланге Древнерусского государства. На стыке Верхнего и Среднего Поволжья жили финно-угорские племена, на территории Волго-Камья располагалась Волжская Булгария. Обильный археологический материал даёт уточняющую информацию по этнической, религиозной, событийной и политической истории лишь в согласовании с данными письменных источников, результатами топонимических и антропонимических исследований. В свою очередь, массив книжных памятников по истории Волжской Булгарии до монгольского нашествия 1236 г. представлен в основном русскими летописями, записками восточных путешественников, западных европейцев XIII в. Нет полноценного репрезентативного комплекса собственно болгарских текстов для изучения политической истории этого государства. Такое положение заставляет исследователей обращаться к русским летописям. Но авторы этих письменных источников, иностранных по отношению к самой Волжской Булгарии, заостряли внимание на необычных для них бытовых реалиях, обозначая их терминами своей культуры. Событийная история сведена чаще всего к столкновениям русских и болгар.

Что можно узнать из русских летописей о Волжской Булгарии XII – первого десятилетия XIII в.? По умолчанию они содержат предположение о том, что государство попало под удар дружин Святослава в 965 г., когда он ходил на Хазарский каганат (Лавр., стб. 65; Ипат., стб. 53). Имеется сообщение X в. о том, что болгары ходили в сапогах (Лавр., стб. 84; Ипат., стб. 71). До 988 г. они предлагали князю Владимиру принять ислам (Лавр., стб. 84–85; Ипат., стб. 71–72), в 1024 г. во время голода на Руси прислали суда с хлебом (Лавр., стб. 147, Ипат. стб. 135). В 1088 г. болгары напали на Муром (Лавр., стб. 207; Ипат., стб. 199), в 1107 г. совершили набег на Суздаль, следствием чего стало возведение Владимира (Тип., с. 72–73; Холм., с. 40). В 1117 г. они отравили ряд половецких ханов, среди которых был Аепа, сын Осенев (Ипат., стб. 285). В 1120 г. ростовский князь Юрий Владимирович совершил удачный поход на болгар (Лавр., стб. 292; Ипат., стб. 285–286). В 1164 г. его сын Андрей Боголюбский взял штурмом Бряхимов и ещё три города (Лавр., стб. 352–353). В 1172 г. дерзкий рейд совершил Мстислав Андреевич (Лавр., стб. 364; Ипат. стб. 564–565). В 1184 г. Всеволоду Большое Гнездо удалось организовать почти общерусский

поход на Великий город (Лавр. стб. 389–390; Ипат. стб. 625–626). Затем его воеводы устроили набег в 1186 г. (Лавр., стб. 400). В 1205 г. судовая рать Всеволода дошла до Хомол (Сим., с. 41).

Из этих сведений немного можно узнать о политическом строе Волжской Булгарии: монархия это или конфедерация полисов с демократическим управлением? Данные источников таковы, что нельзя понять, кого в них называли болгарскими князьями – правителей или руководителей военных акций? Рассматриваемые летописи содержат больше информации о степных соседях-кочевниках Руси: печенегах, торках, особенно половцах. Русские князья не роднились с булгарами. В Тверской летописи, правда, говорится, что жена Андрея Боголюбского, участвовавшая в заговоре против него, была болгаркой. Но позднее происхождение документа не позволяет доверять этому сообщению [6, с. 410–412].

Зато русские летописи в совокупности с данными археологии позволяют представить карту, на которой между Булгарским государством и древнерусскими княжествами простиралось малолюдное пространство, заселённое финно-уграми. За возможность собирать с них дань долгое время шла борьба русских князей и болгар. В силу этих обстоятельств такую протяжённость этнокультурных, политических неоднородностей уместно называть фронтиром [7, с. 199; 8, с. 47–49; 9, с. 5; 10, с. 4–5].

Процесс продвижения Владимиро-Суздальского княжества на восток был непоследовательным. Начало XII в. ознаменовалось нападением болгар на Суздаль, если доверять двум поздним – Типографской (Тип., с. 72–73) и Холмогорской (Холм., с. 40) – летописям. На следующий 1108 г. Владимир Мономах заложил город Владимир, который перекрыл пути проникновения болгар по Клязьме [11, с. 72], и направил в Залесскую землю сына Юрия (Георгия) – в будущем Долгорукого, незадолго до этого женившегося на дочери половецкого хана Аепы. Возможно, последнего и отравили болгары в 1117 г. Через три года состоялся поход Юрия Владимировича на болгар, совпавший с большим походом его брата Ярополка на донских половцев (Лавр., стб. 292; Ипат., стб. 285–286). На протяжении 13 лет (1107–1120) прослеживается связь между антиполовецкими акциями русских князей, политикой Владимира Мономаха по противодействию булгарам и упоминаниями Аепы как его сторонника. Поход Юрия Владимировича на болгар рассматривается как часть политики киевского князя [12, с. 37]. При этом в курсе Мономаха сочетались направления политики киевского князя по отношению и к половцам, и к Волжской Булгарии. Очевидно, устранение союзника русских князей – хана Аепы – нарушило баланс сил в Восточной Европе. Если это допущение верно, то картина внешнеполитических усилий Владимира Мономаха предстаёт весьма масштабной (ещё раз подчеркнём отсутствие в них экспансии и направленность лишь на оберегание границ). Впоследствии русские князья не могли позволить себе такого же размаха действий, который наблюдался во время киевского княжения Мономаха.

После 1107 г. болгары более века не предпринимали захватнических действий по отношению к русским землям. Уникальное сообщение Типографской летописи об их набеге на Ярославль в 1152 г. (Тип., с. 77) является поздней литературной вставкой [13]. Поэтому военные акции Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо против болгар в 1164, 1172, 1184, 1186, 1205 гг.

надо признать отнюдь не ответными шагами, но актами агрессии. Есть различие в результатах военных практик упомянутых князей. Так, одним из итогов похода Андрея Боголюбского в 1164 г. стало основание Городца на левобережье Волги – своеобразного русского острова, отрезанного от остальной части Владимирского княжества Волгой и ничьими в политическом смысле землями [14, с. 120–121]. Налицо проявление экспансии. Городцу в замыслах Андрея Боголюбского отводилось большое будущее, но неожиданная гибель князя от рук придворных в 1174 г. не дала им воплотиться [15, с. 73–76, 210–211]. К правлению Всеволода Большое Гнездо следует отнести возникновение Устюга и Унжи, обусловившее наложение дани на финноязычное население бассейнов Верхней и Нижней Тоймы – тоймичей. Так русские именовали часть югры, с которой, возможно, болгары ранее собирали дань [16, с. 315]. Таким образом, до вокняжения Георгия Всеволодовича во Владимире – будь то в 1212 или 1218 г. – Владимирское княжество выступало агрессором по отношению к Волжской Булгарии. Эта агрессия проявилась как территориальная экспансия во фронтире Поволжья лишь в правление Андрея Боголюбского.

После 1205 г. Булгария не упоминается в летописях до 1219 г., когда болгары совершили налёт на Устюг и Унжу (Ерм., с. 67). Первый был захвачен, а вторая отбилась. За неимением точных сведений нельзя сказать, что это было: набег «за зипунами», рейд отряда отдельной политической единицы Волжской Булгарии или воплощение замысла политической элиты всего государства; возможно, цель заключалась в возвращении тоймичей под своё влияние. В результате Георгий Всеволодович с братьями и племянниками обратил внимание на восток. В 1220 г. Святослав Всеволодович повёл на Булгарию полки Георгия, Ярослава, Святослава Всеволодовичей, Василька Константиновича и муромцев (Лавр., стб. 444–445). Этот победоносный поход переломил ситуацию во фронтире Среднего Поволжья: было продемонстрировано доминирование Владимирского княжества в регионе.

В связи с описанными событиями необходимо отметить возросшую роль Городца: в нём собиралась рать для похода на болгар, а затем, в конце 1220 г., там же Георгий Всеволодович дал болгарам мир (МЛС, с. 117). Значение этого города усилилось ввиду того, что туда был сослан Георгий Всеволодович после поражения при Липице в 1216–1217 гг. Непосредственное знакомство с Городцом, его валами, а значит, возможностями и ресурсами способствовало тому, что город через три года стал главным центром организации похода Святослава. Доступный по речным путям (обязательным было преодоление встречного течения) или по кружной дороге по суше с форсированием Волги, Городец фактом своего существования требовал налаживания прямого пути через регион Нижней Оки, а это было возможно лишь при закреплении на её устье.

После заключения мира с булгарами в конце 1220 г. Георгий Всеволодович в первой половине 1221 г. заложил на устье Оки Нижний Новгород. Он изменил ситуацию в регионе: заключил в общерусское кольцо территорию, протянувшуюся от Гороховца до устья Оки, поставил под контроль участок Волжского пути от Городца до Нижнего Новгорода, замкнул Оку на Владимирское княжество. Такое политическое освоение устья Оки выводило Владимирское княжество в ареал расселения мордвы, на Среднюю Волгу. Начались войны

с мордвой, проживавшей южнее Нижнего Новгорода. На эти столкновения влияла «незаметная» война Владимирского княжества и Булгарии 1223–1230 гг. [15, с. 197]. Вероятно, именно в 1220-е годы произошло расширение укреплений Городца, который был форпостом, откуда шли силы к Нижнему Новгороду, и по которому мог ожидать удар булгар.

До 1221 г. общественно-политическое развитие мордвы на территории будущей Нижегородской области проходило без каких-либо крупных внешних импульсов. В этой связи следует упомянуть предполагаемом рядом исследователей политическом влиянии Булгарии на устье Оки и прилегавшие мордовские земли. Появление такой версии связано с недостоверными сведениями, придуманными нижегородскими любителями древностей XIX в. (П.И. Мельников (Андрей Печерский), Н.И. Храмцовский) [17], и с тем, что основание Нижнего Новгорода произошло после заключения договора между владимирским князем и Булгарией в конце 1220 г. Согласно этой точке зрения, булгары пошли на уступки, отдав князю устье Оки. Поскольку в летописях не раскрывается содержание договора и не сообщается о том, что мордва подчинилась Булгарии, а также нет археологических подтверждений булгарского присутствия в регионе, умозрительность таких рассуждений очевидна.

В биографии Георгия Всеволодовича 1221 г. связан с успехом в Новгороде. Влияя на борьбу боярских группировок, он добился того, чтобы (с 1221 по 1224 г.) на новгородском столе пребывал или его сын Всеволод, или его брат Ярослав. Они выступали организаторами военных акций против немцев, литовцев, датчан. В 1221 г. в помощь 7-летнему сыну Георгия прислал своего брата Святослава. В ноябре этого года они организовали поход на Кесь (Новг., с. 60–61, 262–263), который состоялся силами всех залесских дружин, задействованных в основании Нижнего Новгорода в первом полугодии. Рижане и прибалтийские племена ответили рейдом в Новгородскую землю. Когда Святослав ушёл, Всеволод в силу малолетства не смог быть полноценным организатором боевых действий. В результате «на зиму» 1222 г. он бежал из Новгорода, не сумев наладить оборону его владений. Георгий Всеволодович тогда направил в Новгород Ярослава Всеволодовича, пришедшего туда в начале 1223 г.

Рейд рижан по новгородским владениям остался без ответа; зимой эсты совершили походы к Нарве и в Ингрию (ХЛ, с. 101, 133); литовцы разбойничали на новгородско-смоленском пограничье у Торопца. Ярослав отправился в Залесскую землю за подмогой и возвратился в Новгород (Новг., с. 61, 263). На это обстоятельство обращалось внимание в связи с тем, что Георгий Всеволодович не проявился в битве на Калке в мае 1223 г. Он выслал на юг Руси лишь отряд во главе с племянником Васильком Константиновичем (Лавр., стб. 446–447), поскольку до того основные силы Владимирского княжества ушли с Ярославом в Новгород. Уже оттуда эти полки вместе с новгородцами совершили поход на датский Кольвань и Чудскую землю (Новг., с. 61, 263). В Хронике Ливонии указывается, что в Эстонии и на острове Эзель звучал призыв сражаться с датчанами и немцами, а кроме того, что эсты обратились за поддержкой к Пскову и Новгороду (ХЛ, с. 102, 134). В 1223 г. нобили эстов с деньгами и дарами отправились на Русь, чтобы просить помощи в сражениях против немцев и других «латинян». Правитель «Суздальский», под которым надо понимать Георгия

Всеволодовича, направил брата (очевидно, Ярослава) с большим войском, к которому присоединился псковский князь (ХЛ, с. 103, 135–136).

В результате похода Ярослава Чудская земля была разорена, русские контролировали Юрьев, Медвежью голову (ХЛ, с. 103, 136). Но Ревель устоял. Причиной неудачи стало моральное разложение русского войска. Владимирская его часть не была настроена на долгую войну [18, с. 186]. К тому же Новгородская первая летопись приводит упреки псковичей в адрес новгородцев за то, что те доставили в Новгород после похода на Колывань большой полон и много золота. Фиаско под Ревелем побудило Ярослава оставить новгородцев, несмотря на их уговоры. Они вновь обратились к владимирскому князю, который опять дал им в начале 1224 г. своего сына Всеволода (Новг., с. 61, 263). Новгородцы продолжили активные действия в Прибалтике, направив в Юрьев князя Виесцеке (Вячко) [18, с. 149–150, 186]. Оттуда он выдвинул отряды в земли эстов для взимания дани (ХЛ, с. 103–104, 136).

Битва на Калке сказалась на ситуации в Прибалтике. С итогами поражения русских связано то, что смоленский и полоцкий князья подтвердили мир с Орденом меченосцев (ХЛ, с. 104, 136) (см. также [18, с. 186]). Последующие действия залесских князей и новгородцев в Прибалтике не имели общерусской поддержки. Конечно, Ярослав Всеволодович не мог только своими силами вести большую войну в Прибалтике, а значит, действовал по согласованию с владимирским князем Георгием и при его поддержке, используя возможности всей Северо-Восточной Руси. В 1221–1223 гг. сложился владимирско-новгородский союз, нацеленный на отражение европейской экспансии в Прибалтике и на тех землях, которые Новгород считал своими [19, с. 198]. Рюриковичи из других княжеств не могли продолжать эту борьбу, что обусловило всё большее закрепление в Новгороде князей Владимирского княжества. Хотя союз обеспечил Новгороду защиту его интересов в Прибалтике, тем не менее он терял там позиции.

Смена на новгородском столе князей из Владимирского княжества на рубеже 1223–1224 гг. не позволила быстро ответить на вызовы. В конце 1223 г., проведя раздел Эстонии с датчанами (ХЛ, с. 104, 137) (см. также [18, с. 187–188]), войска Ордена меченосцев внезапно осадили Юрьев, оборонявшийся князем Вячко. Город был взят, его защитники, в том числе двести русских воинов, перебиты. Оставленный в живых один «вассал великого короля Суздальского» должен был известить Новгород и Суздаль о падении Юрьева (ХЛ, с. 104–107, 137–140). В Хронике Ливонии отмечается, что новгородское войско шло на помощь Юрьеву, но, узнав о его падении, повернуло назад (ХЛ, с. 107, 140). Причинами задержки помощи Юрьеву были отсутствие князя в Новгороде (Ярослав ушёл, а Всеволод Георгиевич ещё не пришёл), бои с литовцами у Русы [18, с. 189].

Потеря позиций Новгорода в эстонских землях зафиксирована в договоре Пскова и Новгорода с Орденом 1224 г. (ХЛ, с. 107, 140) (см. также [18, с. 188–190]). А уже в июле того же года рижский епископ Альберт и Орден меченосцев поделили новгородские владения в Латвии (АМ, с. 207–208, 189–190, 209–210). После заключения договора Папа Римский Гонорий III обратился к «христианам в России» (АМ, с. 216–219), чтобы они поддержали борьбу против литовцев. Расчёт строился на уступчивости русских после поражения на Калке (АМ, с. 217). Всеволод Георгиевич не мог противодействовать недовольству

княжеской властью в Новгороде из-за потери Юрьева, как и был не в силах остановить заключение мира Новгорода с немцами, а потому бежал ночью в Торжок (Новг., с. 63–64, 267–268).

Туда зимой 1224/1225 г. прибыли владимирский князь Георгий Всеволодович, его брат Ярослав, племянник Василько Константинович, а также Михаил Черниговский. Новгородцы требовали от Георгия покинуть Торжок и готовы были опять принять Всеволода, князь же добивался выдачи семи человек. С новгородцами, желавшими «умрети за святую Софею», он достиг компромисса: у них будет княжить Михаил (Новг., с. 63–64, 267–268). Но при отходе Георгий «много имъ пакостивъ, взя у нихъ 7000 новую» (Новг., с. 64, 268).

В 1225 г. Михаил Всеволодович вокняжился в Новгороде и отправился к Георгию Всеволодовичу. С ним он договорился о компенсации убытков зимы 1224/1225 г., но затем заявил о своём уходе (Новг., с. 64, 268–269). Очевидно, что Михаил покинул Новгород из-за противодействия владимирского князя. Более удобным для последнего было проведение новгородской политики через брата Ярослава. Тот вновь утвердился в Новгороде в конце 1225 г., а в начале 1226 г. собственными силами из Переяславля-Залесского совершил рейд в новгородско-смоленское пограничье и покончил там с разбоями литовских отрядов (Лавр., стб. 447–448). Одним из преимуществ князя Георгия и его брата Ярослава стала усобица в Черниговской земле Михаила Всеволодовича и Олега Курского. В 1226 г. против Олега состоялся поход Георгия Всеволодовича (Лавр., стб. 448), примиривший черниговских Рюриковичей. Так князь Георгий вернул под свой контроль Новгород и помог Михаилу Черниговскому.

При изучении военно-политической деятельности залесских князей в Прибалтике в первой половине 20-х годов XIII в. необходимо помнить, что она развивалась одновременно с войной с булгарами. А потому силы, подчинявшиеся Георгию Всеволодовичу, должны были постоянно перемещаться с востока на северо-запад и обратно. Зимой 1226/1227 г. состоялся успешный рейд Святослава и Ивана Всеволодовичей на мордву (Лавр., стб. 448–449). Ярослав Всеволодович и новгородцы далеко за морем разорили земли прибалтийско-финского племени, называемого «емь» («где же ни единъ от князей Руских не возможе бывати» (Лавр., стб. 449)), привели большой полон (Новг., с. 65, 270).

В 1227 г. Ярослав крестил карел, о чём сказано в Лаврентьевской летописи, восходящей к великокняжескому летописанию (Лавр., стб. 449). Данный факт свидетельствует о согласовании планов Ярослава с позицией Георгия. К такому решению князей подтолкнуло очередное послание Папы Римского Гонория III «королям Руси», в котором он призвал их не мешать проповеди христианства в Ливонии и Эстонии (АМ, с. 219–220). В действиях русских князей в Прибалтике появился новый инструмент утверждения своего влияния – православие [20]. Вероятно, с актом крещения карел связана также огненная казнь четырёх волхвов в 1227 г. на «Ярославлви дворе» в Новгороде. Вина волхвов заключалась в том, что «творяхуть е потворы деюще, а богъ вестъ» (Новг., с. 65, 270). Упоминание этой казни следует в летописи сразу после рассказа о походе князя Ярослава Всеволодовича с новгородцами на емь зимой 1226/1227 г.

Летом 1228 г. емь напала на ладожское побережье. Вероятно, это стало ответом на поход Ярослава в предыдущий год. Ладожане во главе с посадником,

не дожидаясь помощи из Новгорода, загнали емя на острова у Олонца. Налётчики перебили полон, бросили насады и пытались уйти лесами, но их там уничтожили ижоряне и карелы (Новг., с. 65, 270–271).

До осени 1228 г. Ярослав готовил большой поход на Ригу. После неудачных переговоров с Псковом князь привёл полки под Новгород. Их число было велико, о чём можно судить по тому, как резко взлетели цены на продовольствие в Новгороде (Новг., с. 65–66, 271). Пришедшее войско состояло не только из переяславцев, в него входили и полки из других частей Владимирской Руси. Это свидетельствует о том, что Георгий Всеволодович руководил этим стратегическим направлением.

Псковичи, узнав о низовских полках под Новгородом, заключили мир с Ригой, получив от неё гарантии помощи, если на Псков нападёт Новгород. Затем они сообщили в Новгород, что не пойдут на Ригу, объяснив своё решение следующим образом: ранее в неудачных походах на Колывань, Кесь и Медвежью голову новгородцы обогащались и возвращались невредимыми домой, а псковичи гибли на опасных участках. В свою очередь, новгородцы сослались на псковичей и отказались выступать против Риги. Ярослав отослал полки (Новг., с. 66, 271–272). Упорство псковичей объяснимо: участвуя в столкновениях в Прибалтике, они первыми попадали под рейды рижан, латгалов и эстов. Причём Новгород не помогал Пскову, и тот защищался путём установления сепаратного мира.

В сентябре 1228 г. за Нижним Новгородом оборвался поход Василька Константиновича и воеводы Еремея Глебовича на мордву (Лавр., стб. 450–451). Видимо, их отряд был небольшим, поскольку основные силы княжества только возвращались из Новгорода. В январе 1229 г. последовал масштабный, но не совсем удачный поход на «Пургасову волость» мордвы, который возглавили Георгий и Ярослав Всеволодовичи, Василько и Всеволод Константиновичи, муромский князь. Тогда же на сателлита Георгия Всеволодовича – Пурешу – напал болгарский князь, но, узнав о его близости с братией, бежал. Участие Ярослава в январском походе на мордву даёт возможность представить размах военно-политических акций Владимирского княжества. Так, в начале 1228 г. Ярослав, придя из Переяславля под Новгород, привёл полки, руководимые братьями и племянниками. Видимо, предполагалось, что они в первой половине 1228 г. ударят по Риге, а зимой пойдут на мордву. Примечательно, что в первой половине 1228 г. крупных военных акций в Северо-Восточной Руси не отмечено. В апреле 1229 г. Пургас совершил набег на Нижний Новгород: город отбился, но были сожжены Благовещенский монастырь и церковь вне укреплений. Затем по Пургасу ударил «Пурешев сын» с половцами: были избиты мордва и «Пургасова Русь», сам эрзянский князь бежал (Лавр., стб. 451).

Походы на мордву, с которой у владимирских князей ранее не было конфликтов, обусловлены проникновением во фронт Среднего Поволжья. Нижний Новгород, возвысившийся на горах, охваченных петлёй Волги и впадающей в неё Оки, породил новый геостратегический горизонт – требовалось создать безопасную округу, отодвинуть мордву от берегов Оки на протяжении от Муром до Нижнего Новгорода. Выйдя в 1221 г. на Волгу в районе устья Оки, решив важные геополитические проблемы, Владимирское княжество не стремилось к эксплуатации мордовских протогосударственных объединений. Стяжательские

порывы князей ограничивались добычей в походах на несговорчивого Пургаса. Видимо, владимирскому князю нужно было гарантировать безопасность Нижнего Новгорода, отрезанного от основной территории Владимирского княжества.

Объединения Пургаса и Пуреша располагались в относительной близости. Об этом свидетельствует отказ болгарского князя от воинственных намерений в отношении Пуреша, когда он узнал о разгроме русскими дружинами мордовских сёл (Лавр., стб. 451). Если бы волость Пуреша находилась далеко, то болгары, безусловно, не испугались бы русских отрядов. Можно допустить и то, что потом, весной 1229 г., сын Пуреша разгромил Пургаса, возвращавшегося из Нижнего Новгорода. Естественно, это было удобно сделать в том случае, если владения Пуреша лежали между Нижним Новгородом и «Пургасовой волостью». Данные археологии позволяют идентифицировать с землями Пуреша мордовские древности, лежащие в 60 км от современного Нижнего Новгорода, а с землями Пургаса – в 120 км.

Неспешная история мордвы на Кудьме, Суре, Тёше и Мокше была нарушена «вторжением истории», выразившимся основанием русского города на устье Оки. Это радикально изменило ситуацию в регионе, поставив две народности лицом к лицу. Они сумели договориться. В «диалоге культур» проявились политическая настойчивость и последовательность русских, умноженная на многолетний политический опыт и военную силу, и житейская мудрость мордвы, которую убеждали словом (Пуреш) и мечом (Пургас). С точки зрения исторической перспективы борьба Владимирского княжества и Пургаса в 20-е годы XIII в. представляет собой эпохальное столкновение двух правд. Это была не только правда княжества, которое своим ростом обеспечивало будущее Российской государственности с неизбежными в этом случае имперскими амбициями, но и правда правителя (Пургаса), защищавшего интересы своего малого народа и своей земли.

Русско-мордовская борьба второй половины 20-х годов XIII в. шла на фоне войны с Булгарией, завершившейся миром в 1230 г. (Сим., с. 54). После этого состоялся лишь один поход (в 1232 г.) на мордву сыновей Георгия и Ярослава Всеволодовичей, муромских и рязанского князей (Лавр., стб. 459). Мир с булгарами, по мнению ряда исследователей, мог быть вызван монгольской угрозой. В 1229 г. монголы появились на берегах Яика, и оттуда бежали защитники болгарских застав, саксины, половцы (Лавр., стб. 453). Однако заключённый в 1230 г. мир, судя по летописям (см., например, Сим., с. 54), не предусматривал совместных действий против монголов.

Борьба Владимирского княжества за Поволжье увязывалась с необходимостью контролировать Новгород. Силы Владимирского княжества в 20-е годы XIII в. направлялись то на восточный фланг Руси, то на северо-западный. В 1229 г. Михаил Всеволодович, посчитав, что дружины Владимирского княжества связаны боями с мордвой и булгарами, вновь вокняжился в Новгороде (Новг., с. 67–68, 274). Тогда владимирский князь стал готовить ответный поход на Чернигов (Лавр., стб. 455), что опять-таки свидетельствует о том, что политику в Новгороде определял Георгий Всеволодович. Для предотвращения владимирско-черниговской войны во Владимир – к Георгию и Ярославу – в 1230 г. прибыло посольство церковных иерархов. Возможно, ценой заключённого мира стали уход из Новгорода Михаила и появление там 30 декабря 1230 г. Ярослава.

Тогда недовольный Михаил Всеволодович отрезал пути к ПереяславлЮжному для владимирских князей. В результате Георгий Всеволодович и его родственники потеряли влияние на юго-восточном пограничье Руси [3, с. 50–133; 21, с. 32]. В ответ владимирские князья осенью 1231 г. напали на черниговский город Серенск (Лавр., стб. 459). Эта акция соотносится с борьбой Владимирского княжества за Переяславль-Южный и Новгород.

Зимой 1232 г., сразу после осады Серенска, состоялся поход на мордву сыновей Георгия и Ярослава Всеволодовичей, муромских и рязанского князей. Источники не дают оснований связывать его с действиями монголов против болгар. Участие в этой военной акции Фёдора Ярославича и отсутствие самого Ярослава знаменательны тем, что второй должен был быстро отъехать в Переяславль-Залесский, дабы стать ближе к Новгороду. В 1233 г. Ярослав Всеволодович добился того, что новгородцы всё-таки признали его князем, и утвердил своё влияние в Пскове. Когда же участились нападения немцев на новгородские пределы, в марте–апреле 1234 г. он организовал поход на Юрьев. Окрестности города были разорены, попытки сопротивления войскам князя отбиты, благодаря чему он заключил мир на выгодных для Новгорода условиях (Новг., с. 72–73, 283) (чуть позже Ярослав дал отпор литовцам у Русы). Этот большой поход был совершён силами новгородцев и Ярослава. Однако привести много полков из Переяславля-Залесского князь не мог, а потому надо признать: среди них были войска других князей Владимирского княжества. Участие воинов-низовцев в походе показывает, что он явился мероприятием внешнеполитического курса владимирского князя Георгия Всеволодовича.

Владимирское доминирование в Новгороде значительно ослабило Михаила Всеволодовича в общерусском масштабе. На рубеже 1234–1235 гг. против Чернигова отправились рати смоленского князя Владимира Рюриковича и галицко-волынского князя Даниила Романовича. Они же были основными конкурентами Михаила в борьбе за Киев и общерусский престол. Михаил смог отбиться, а Владимир Рюрикович даже попал в плен к половцам, Даниил едва успел отступить (Новг., с. 73–74, 284 – 285; Ипат., стб. 772–773, 777). Эти события позволили вмешаться в борьбу за Киев и Рюриковичам из Залесской земли. В 1236 г. Ярославу Всеволодовичу удалось занять киевский стол. Для князей Владимирского княжества это был первый случай после 1170-х годов. Ярослав утвердился в Киеве по предложению Владимира Рюриковича и Даниила Романовича, боровшихся с Михаилом Черниговским (Новг., с. 73–74; Ипат., стб. 777) (см. также [22, с. 25; 23, с. 53, 56–57]). Вероятно, его вокняжение в Киеве стало в том числе следствием придания общерусского масштаба борьбе за Новгород владимирских князей с Михаилом Черниговским. Ведь упомянутый успешный поход Ярослава на Юрьев в 1234 г. затронул новгородские интересы Михаила. К тому же на последнего в конце 1234 г. обрушился удар ратей Владимира Рюриковича и Даниила Галицкого. Из всего этого можно предположить, что владимирский князь Георгий Всеволодович через деятельность своего брата Ярослава помогал союзникам – Владимиру и Даниилу. Описанные события стали последним проявлением политики Владимирского княжества в домонгольский период. В 1236 г. монголы опустошили Булгарию.

Подведём итоги. Период 20-х – начала 30-х годов XIII в. знаменуется небывалым в истории Залесской Руси всплеском внешнеполитической активности, построенной на имперских принципах (по терминологии В.Т. Пашуто). В течение почти 15 лет дружины детей и внуков Всеволода Большое Гнездо последовательно передвигались от Поволжья к Прибалтике и обратно, решая свои задачи в межкняжеских отношениях на территориях Черниговского и Киевского княжеств.

На востоке масштабный поход на болгар в 1220 г. положил начало целой цепи событий: мир с булгарами, основание Нижнего Новгорода (и в дальнейшем заботы о росте города), 6–7-летняя война с булгарами, расширение и укрепление Городца, столкновения с мордвой... В эти процессы вовлекались силы братьев и племянников великого владимирского князя Георгия Всеволодовича. Налицо имперский характер его активной и систематической деятельности во фронтире Среднего Поволжья: давление на соперника, равного по статусу и уровню государственного развития, основание политического центра в неосвоенной и незаселённой земле, использование его для установления влияния на мордовские племена через выборочное применение дипломатических и военных средств.

На северо-западном направлении также обнаруживаются принципиально новые черты политики. Мы видим не только желание ставленников владимирского князя Георгия Всеволодовича утвердиться в богатом Новгороде и выполнить воинский долг в согласии с волей политической элиты (это было присуще, возможно, всем князьям раздробленной Руси), но и их активное, самостоятельное отстаивание новгородских интересов в Прибалтике. Более того, нередко владимирские князья, вопреки сиюминутным интересам Новгорода и Пскова, пытались покончить со стратегическими противниками, препятствующими проведению имперской политики среди народов Прибалтики. Это можно объяснить следующим образом: именно владимирские князья стремились дать адекватный отпор проникновению европейских феодалов. Между тем другие князья, рассматривающие Новгород исключительно потребительски, не смогли в нём удержаться, как Михаил Черниговский. Многие из них попросту отказались от притязаний на северную вольницу, поспешив заключить договоры с Орденом. Кроме того, политическим новшеством Георгия Всеволодовича стало использование религиозных средств (крещение карел), позаимствованных у европейских оппонентов.

Неудачи в проведении имперской внешней политики (прервана в 1238 г.) обусловлены в первую очередь отсутствием соответствующего опыта. Среди других причин, безусловно, следует назвать раздробленность. Утверждению общерусских интересов в Прибалтике мешали обособление Пскова, Новгорода, стремление Михаила Черниговского закрепиться в Новгороде, втягивание в общерусскую междоусобную борьбу...

Таким образом, в военно-политической деятельности Георгия Всеволодовича выявляются имперские элементы. Историей было суждено дать им развитие. Так, «отстаивание владимирским князем интересов Новгорода и Руси в Прибалтике в 1220-е гг. позволило сохранить ресурс сопротивляемости, потом в полной мере задействованный Александром Невским и его потомками в деле сохранения целостности земель, которые к этому времени считались уже неотъемлемой

частью Руси. Активная политика в Прибалтике в 1220-е гг. позволила владимирским князьям не только закрепиться в Новгороде, но и закрепить его за собой» [5, с. 87]. Последнее сыграло немаловажную роль в экономическом выживании Северо-Восточной Руси в составе Улуса Джучи. Само по себе основание Нижнего Новгорода положило начало утверждению позиций Владимирского княжества в регионе и активному продвижению на Восток, отрабатывались механизмы его политического внедрения в инокультурную среду. Закрепление за Владимирским княжеством устья Оки и его выход на Среднюю Волгу до нашествия монголов имели судьбоносное значение для формирования центра Российского государства в Северо-Восточной Руси, а значит, для сохранения древнерусского политико-культурного наследия, составной частью которого стал внешнеполитический опыт владимирского князя Георгия Всеволодовича с элементами имперских практик.

Источники

- ПБЛ – Повесть о битве на Липице // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. – М.: Худож. лит., 1981. – С. 114–127.
- СПРЗ – Слово о погибели Русской земли // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / Под ред. Д.С. Лихачёва. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 5. – С. 90–91.
- Новг. – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – 692 с. (Полное собрание русских летописей. Т. 3)
- Лавр. – Лаврентьевская летопись. – М.: Яз. рус. культуры, 1997. – 733 с. (Полн. собр. рус. летописей. Т. 1)
- Ипат. – Ипатьевская летопись. – М.: Яз. рус. культуры, 1998. – 1105 с. (Полн. собр. рус. летописей. Т. 2)
- Ерм. – Ермолинская летопись. – М.: Яз. рус. культуры, 2004. – 240 с. (Полн. собр. рус. летописей. Т. 23)
- МЛС – Московский летописный свод конца XV века. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – 463 с. (Полн. собр. рус. летописей. Т. 25)
- ХЛ – «Хроника Ливонии» Генриха // Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г.: Тексты, перевод, комментарий. – М.: Индрик, 2002. – С. 77–141.
- АМ – Актовый материал // Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г.: Тексты, перевод, комментарий. – М.: Индрик, 2002. – С. 199–228.
- Сим. – Симеоновская летопись. – М.: Знак, 2007. – 316 с. (Полн. собр. рус. летописей. Т. 18)
- Лет. – Летописец Переяславля Суздальского (Летопись русских царей). – М.: Археогр. центр, 1995. – 184 с. (Полн. собр. рус. летописей. Т. 41)
- Тип. – Типографская летопись. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – 288 с. (Полн. собр. рус. летописей. Т. 24)
- Холм. – Холмогорская летопись. – Л.: Наука, 1977. – 250 с. (Полн. собр. рус. летописей. Т. 33).

Литература

1. Долгов В. Первая примерка «имперских одежд»: византийская идеологическая система и проблема княжеских венцов в Древней Руси X – XIII вв. // *Ab Imperio*. – 2004. – № 3. – С. 113–130.

2. *Пашуто В.Т.* Опыт периодизации истории русской дипломатии (ранний и развитой феодализм) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исслед. 1982 г. – М.: Наука, 1984. – С. 6–25.
3. *Кузнецов А.А.* Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в.: особенности преломления источников в историографии. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2006. – 540 с.
4. *Кузнецов А.А.* Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь в 1237/1238 г.: источниковедение фактов // Мининские чтения: Тр. участников междунар. науч. конф. (Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 24–25 окт. 2008 г.). – Н. Новгород: Центр. архив Нижегород. обл., 2010. – С. 325–343.
5. *Кузнецов А.А.* Новгородская политика владимирских князей в 1220-е гг. // Новгород. ист. сб. – 2015. – Вып. 15. – С. 65–87.
6. *Кузнецов А.А.* «Булгаристский подход» в изучении истории Среднего и Верхнего Поволжья в XII – первого сорокалетия XIII вв.: перспективы и проблемы // Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2009. – С. 409–416.
7. *Рибер А.* Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. – Казань: Центр Исслед. национализма и империи, 2004. – С. 199–222.
8. *Канпелер А.* Южный и восточный фронт России в XVI – XVIII вв. // *Ab Imperio*. – 2003. – № 1. – С. 47–64.
9. *Ананьев Д.А., Комлева Е.В., Раев Д.Я., Резун Д.Я., Соколовский И.Р., Туманик Е.Н.* «Новые земли» и освоение Сибири в XVII – XIX вв.: очерки истории и историографии. – Новосибирск: Сова, 2006. – 227 с.
10. *Селин А.А.* Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие: Ист. очерки. – СПб.: БЛИЦ, 2016. – 864 с.
11. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. – М.: Наука, 1984. – 350 с.
12. *Кучкин В.А.* Юрий Долгорукий // *Вопр. истории*. – 1996. – № 10. – С. 35–56.
13. *Кузнецов А.А.* О достоверности сведения о набеге болгар на Ярославль в 1152 г. // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. История*. – 2006. – Вып. 2. – С. 94–103.
14. *Кузнецов А.А.* Политическое освоение Среднего Поволжья Владимирским княжеством в XII – XIII вв. // *Восточная Европа в древности и средневековье: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен: XX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто*. – М.: Ин-т Всеобщ. истории РАН, 2008. – С. 119–123.
15. *Пудалов Б.М.* Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). – Н. Новгород: Ком. по делам архивов адм. губернатора Нижегород. обл., 2003. – 216 с.
16. *Горский А.А.* К вопросу о датировке «Слова о погибели Рускыя земли» // *Тр. Отд. древнерус. лит.* – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 51. – С. 313–320.
17. *Кузнецов А.А.* Абрамов городок, Старый городок на Дятловых горах: ономастические аспекты развития нарратива о предшественнике Нижнего Новгорода // *Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сб. науч. и метод. ст.* – Н. Новгород: Pixel-print, 2016. – Вып. 14. – С. 68–80.
18. *Назарова Е.Л.* Комментарий // *Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Крестonosцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г.: Тексты, перевод, комментарий. – М.: Индрик, 2002. – С. 141–192.
19. *Янин В.Л.* Новгородские посадники. – М.: Яз. славян. культуры, 2003. – 511 с.

20. Кузнецов А.А. Крещение карел в контексте военно-политических практик Новгорода и Владимирского княжества // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза: XXVI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. – М.: Ин-т Всеобщ. истории РАН, 2014. – С. 153–158.
21. Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. – М.: Индрик, 2008. – 478 с.
22. Горский А.А. Русские земли в XIII – XIV веках: Пути политического развития. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 1996. – 128 с.
23. Хрусталёв Д.Г. Русь: от нашествия до «ига» 30–40 гг. XIII в. – СПб.: Евразия, 2004. – 313 с.

Поступила в редакцию
22.12.16

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
пр-т Гагарина, д. 23, г. Нижний Новгород, 603950, Россия
E-mail: nalbuz@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 4, pp. 791–808

**The Elements of Imperial Practice in the Foreign Policy
of Vladimir Princely State in the First Third of the 13th Century**

A.A. Kuznetsov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, 603950 Russia
E-mail: nalbuz@mail.ru

Received December 22, 2016

Abstract

This paper presents a study of the political and military activities of Vladimir princes in North-western Rus, the Baltic and Volga regions, during the 1220s–1230s. The aim of the study is verification of V.T. Pashuto's idea about the imperial diplomacy in the fractured Rus. In the course of the study, the following tasks have been solved: compiling a complex of representative sources, studying the pre-history of the foreign policy of Russian princes in both geographical directions, investigating the policy of the Vladimir Prince Georgy (Yuri) Vsevolodovich (1188–1238) in the Volga and Baltic regions, identifying its specifics. Studying of chronicles, textual criticism, historical reenactment, as well as historical-genetic and problem-chronological methods have been used.

The study has revealed the steady and consistent political and military activities of brothers, children, and nephews of the Vladimir Prince Georgy Vsevolodovich in the Volga region, in Northwestern Rus, and in the Baltic region. These activities included the organization and conduct of campaigns and raids, as well as the application of the principle of “Divide et impere” (vis-à-vis Mordva, Em', Karels, Tschud') and the formation of an adequate strategy to fight the challenges posed by Lithuanians, the Livonian order of the Knights of the Sword, and Sweden using the political potential of Orthodoxy (the baptism of Karelians) in the first third of the 13th century.

The study showed that the policy of the Vladimir Prince Georgy Vsevolodovich in the Volga region and Northwestern Rus before the Mongol Invasion was similar to an imperial strategy. This policy has identified the formation of new sustainable borders of Vladimir Princely State and Novgorod Republic. Subsequently, the Russian nation and centralized state formed at these territories. The activities of Vladimir princes in the 1220s–1230s allowed to consolidate the Russian statehood outlet to the Baltic Sea and in the Middle Volga region. These and other findings show a new model of the military-political history of Vladimir Princely State during the first third of the 13th century, make it of interest to explore and study the problems of political continuity in Northeastern Russia and the continuity of the military-political strategy of the Rurik dynasty during the 13th–16th centuries.

Keywords: Imperial policy, Vladimir Princely State, Volga Bulgaria, Mordvins, Chud, Nizhny Novgorod, Novgorod, Baltic, expansion

References

1. Dolgov V. Trying on the “imperial clothes” for the first time: the byzantine ideological system and the problem of princes’ crowns in Ancient Rus, 10th – 13th centuries. *Ab Imperio*, 2004, no. 3, pp. 113–130. (In Russian)
2. Pashuto V.T. Ancient States at the Territory of the USSR: Materials and Studies. 1982. *Opyt periodizatsii istorii russkoi diplomatii (rannii i razvitoi feodalizm)* [An Attempt to Define Periods in the History of Russian Diplomacy (Early and Advanced Feudalism)]. Moscow, Nauka, 1984, pp. 6–25. (In Russian)
3. Kuznetsov A.A. The Prince of Vladimir Georgy Vsevolodovich in the History of Rus during the First Third of the 13th Century: Specifics in Interpretation of the Historiographical Sources. Nizhny Novgorod, Izd. Nizhegorod. Gos. Univ., 2006. 540 p. (In Russian)
4. Kuznetsov A.A. The Invasion of Batu Khan to Northeastern Rus in 1237/1238: Source study of facts. *Mininskie chteniya: Tr. uchastnikov mezunar. nauch. konf. (Nizhegorod. gos. un-t im. N.I. Lobachevskogo, 24–25 okt. 2008 g.)* [Minin’s Lectures: Proc. Participants of the Int. Sci. Conf. (Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Oct. 24–25, 2008)]. Nizhny Novgorod, Tsentr. Arkhiv Nizhegorod. Obl., 2010, pp. 325–343. (In Russian)
5. Kuznetsov A.A. The Policy of Vladimir princes in Novgorod during the 1220s. *Novgorodskii Istoricheskii Sbornik*, 2015, no. 15, pp. 65–87. (In Russian)
6. Kuznetsov A.A. Finno-Ugors – Slavs – Turks: Experience of Interaction (Traditions and Innovations). *“Bulgaristskii podkhod” v izuchenii istorii Srednego i Verkhnego Povolzh’ya v XII – pervogo sorokaletiya XIII vv.: perspektivy i problemy* [“Bulgaristic Approach” to Studying the History of the Middle and Upper Volga Region in the 12th – First 40 Years of the 13th Centuries: Prospects and Problems]. Izhevsk, Udmurt. Univ., 2009, pp. 409–416. (In Russian)
7. Riber A. Changing conceptions and frontier constructions: Comparative-historical approach. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva* [New Imperial History of Former Soviet Union]. Kazan, Tsentr Issled. Nacionalizma Imperii, 2004, pp. 199–222. (In Russian)
8. Kappeler A. The southern and eastern frontier of Russia during the 16th – 18th centuries. *Ab Imperio*, 2003, no. 1, pp. 47–64. (In Russian)
9. Anan’ev D.A., Komleva E.V., Raev D.Ya., Rezun D.Ya., Sokolovskii I.R., Tumanik E.N. “New Lands” and Development of Siberia in 17th – 19th Centuries: Essays on History and Historiography. Novosibirsk, Sova, 2006. 227 p. (In Russian)
10. Selin A.A. Russian-Swedish Border (1617–1700). Formation, Functioning, Heritage: Historical Essays. St. Petersburg, BLITs, 2016. 864 p. (In Russian)
11. Kuchkin V.A. Development of the State Territory of Northeastern Rus in the 10th – 14th Centuries. Moscow, Nauka, 1984. 350 p. (In Russian)
12. Kuchkin V.A. Yuri Dolgorukiy. *Voprosy Istorii*, 1996, no. 10, pp. 35–56. (In Russian)
13. Kuznetsov A.A. On the credibility of the data on the invasion of the Bulgars into Yaroslavl in 1152. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Istoriya*, 2006, no. 2, pp. 94–103. (In Russian)
14. Kuznetsov A.A. The political development of the Middle Volga region by the Vladimir Princely State in the 12th – 13th centuries. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov’e: Transkontinental’nye i lokal’nye puti kak sotsiokul’turnyi fenomen: XX Chteniya pamyati chl.-korr. Akad. nauk SSSR*

- V.T. Pashuto [Eastern Europe in the Ancient and Medieval Times: Transcontinental and Local Pathways as a Sociocultural Phenomenon: Proc. XX Lectures Dedicated to the Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR V.T. Pashuto]. Moscow, Inst. Vseobshch. Ist. Ross. Akad. Nauk, 2008, pp. 119–123. (In Russian)
15. Pudalov B.M. The Early Period in the History of Most Ancient Russian Cities in the Middle Volga Region (the 12th – Early Third of the 13th Century). Nizhny Novgorod, Kom. po Delam Arkhivov Adm. Gubernatora Nizhegorod. Obl., 2003. 216 p. (In Russian)
 16. Gorskii A.A. On the problem of dating “The Tale of Death of the Russian Land”. *Trudy Otdeleniya Drevnerusskoi Literatury*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 1999, vol. 51, pp. 313–320. (In Russian)
 17. Kuznetsov A.A. Abraham’s Town, old town on the Dyatlovy Mountains: Onomastic aspects of the development of a narrative about the predecessor of Nizhny Novgorod. *Nizhegorodskie issledovaniya po kraevedeniyu i arkheologii* [Nizhny Novgorod Studies on Local History and Archeology]. Nizhny Novgorod, Pixel-print, 2016, no. 14, pp. 68–80. (In Russian)
 18. Nazarova E.L. Crusaders and Rus. Late 12th Century – 1270: Texts, Translation, Commentary. *Kommentarii* [Commentary]. Moscow, Indrik, 2002, pp. 141–192. (In Russian)
 19. Yanin V.L. Novgorod Posadniks. Moscow, Yaz. Slavyan. Kul’t., 2003. 511 p. (In Russian)
 20. Kuznetsov A.A. Baptism of Karelians in the context of military-political practices of Novgorod and Vladimir Princely State. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov’e: Yazychestvo i monoteizm v protsessakh politogeneza: XXVI Chteniya pamyati chl.-korr. Akad. nauk SSSR V.T. Pashuto* [Eastern Europe in the Ancient and Medieval Times: Paganism and Monotheism in Politogenesis Processes: Proc. XXVI Lectures Dedicated to the Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR V.T. Pashuto]. Moscow, Inst. Vseobshch. Ist. Ross. Akad. Nauk, 2014, pp. 153–158. (In Russian)
 21. Gorskii A.A., Kuchkin V.A., Lukin P.V., Stefanovich P.S. Ancient Rus: Essays on Political and Social Structure. Moscow, Indrik, 2008. 478 p. (In Russian)
 22. Gorskii A.A. Russian Lands in the 13th – 14th Centuries: Ways of Political Development. Moscow, Inst. Ross. Ist. Ross. Akad. Nauk, 1996. 128 p. (In Russian)
 23. Khrustalev D.G. Rus: From the Invasion to “Yoke” of the 30s–40s of the 13th Century. St. Petersburg, Evraziya, 2004. 313 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Кузнецов А.А. Элементы имперской практики во внешней политике Владимирского княжества первой трети XIII века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 4. – С. 791–808. ⟩

⟨ **For citation:** Kuznetsov A.A. The elements of imperial practice in the foreign policy of Vladimir Princely State in the first third of the 13th century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 4, pp. 791–808. (In Russian) ⟩